

Ци (Монг)
С 16

От автора с
приложением 1

Г. Д. САНЖЕЕВ

К вопросу об отрицании в монгольских языках

ACTA ORIENTALIA

A MAGYAR TUDOMÁNYOS AKADÉMIA
ORIENTALISZTIKAI KÖZLEMÉNYEI

SZERKESZTŐSÉG ÉS KIADÓHIVATAL: BUDAPEST, V., ALKOTMÁNY U. 21.

Az *Acta Orientalia* német, angol, francia és orosz nyelven közöl értekezéseket az orientalisztika köréből.

Az *Acta Orientalia* változó terjedelmű füzetekben jelenik meg. Több füzet alkot egy kötetet.

A közlésre szánt kéziratok, lehetőleg géppel írva, a következő címre küldendők:

Acta Orientalia, Budapest 502, Postafiók 24.

Ugyanerre a címre küldendő minden szerkesztőségi és kiadóhivatali levelezés.

Az *Acta Orientalia* előfizetési ára kötetenként belföldre 80,— Ft, külföldi címre 110,— forint. Megrendelhető az „Akadémiai Kiadó”-nál (Budapest V., Alkotmány utca 21. Bankszámla 05-915-111-46), a külföld számára pedig a „Kultúra” Könyv és Hírlap Külkereskedelmi Vállalatnál (Budapest I., Fő utca 32. Bankszámla: 43-790-057-181) vagy külföldi képviselőinél és bizományosainál.

Die *Acta Orientalia* veröffentlichen Abhandlungen aus dem Bereiche der Orientalistik in deutscher, englischer, französischer und russischer Sprache.

Die *Acta Orientalia* erscheinen in Heften wechselnden Umfanges. Mehrere Hefte bilden einen Band.

Die zur Veröffentlichung bestimmten Manuskripte sind an folgende Adresse zu senden:

Acta Orientalia, Budapest 502, Postafiók 24.

An die gleiche Anschrift ist auch jede für die Redaktion und den Verlag bestimmte Korrespondenz zu richten.

Abonnementspreis pro Band: 110 Forint. Bestellbar bei dem Buch- und Zeitungs-Aussenhandels-Unternehmen »Kultura« (Budapest I., Fő utca 32. Bankkonto 43-790-057-181) oder bei seinen Auslandsvertretungen und Kommissionären.

Г. Д. САНЖЕЕВ (Москва)

Как известно, в монгольских языках грамматическая система характерна тем, что в ней каждая определённая группа глагольных форм имеет только ей присущую частицу отрицания или лишь ей свойственное слово-отрицание. Эти средства отрицания в синтаксическом отношении являются либо препозиционными (это — частицы отрицания), либо постпозиционными (это — слова-отрицания).

1. Препозиционные частицы отрицания применяются при индикативах, причастиях и деепричастиях: а) *ülü* «не» при названных формах настоящего и будущего времён, например, *ülü yabumui* «не ходит», *ülü olun* «не находя», *ülü bičiki* «который не будет писать», *ülü medegči* «не знающий», б) *ese* «не» при тех же формах прошедшего времени, например, *ese olba* «не нашёл», *ese ajegeŋen* «не видевший», *ese aldabaŋu* «если не потеряет», *ese yarču* «не выходя» и т. д.¹

2. Постпозиционными являются три слова-отрицания: а) общеименное *ügei* «не», «без», «нет», например, *oluyŋan ügei* «не нашедший» *modun ügei xaĵar* «безлесная местность» *ende modun ügei* «здесь леса нет», *olxu ügei* «который не найдёт» бурят. *garān ügei* «не выходя», калмыцк. *jowād ugā* «ещё не отправился», бурят. *hūnā ügei* «не сидит», бурят. *orōbö ügei* «не вошёл», — таким образом, это слово-отрицание используется при именах, причастиях, слитном и, в калмыцком языке, разделительном деепричастиях, а также при бурятских имперфектном презенсе и, реже, перфектном претерите, б) несовершенное *edüi* «ещё не», применяемое почти только при причастии настояще-прошедшего времени, например, *oduyā edüi*, или чаще *oduyādüi*, «который ещё не отправился», бурят. *orōdüi* «ещё не вошёл», в) относительное *busu* «не, а...», употребляемое при именах и причастиях, например, *modun busu čilayun* «не дерево, а камень», *oluyŋan busu aldayŋan* «не нашёл, а потерял».

¹ Здесь и ниже без оговорок примеры даются из старописьменного монгольского языка или в орфографической форме этого языка, тогда как примеры из других монгольских языков и диалектов оговариваются.

Кроме этих частиц отрицания и слов-отрицаний в монгольских языках имеются также запретительные частицы *buu* и *bitegei* «не!», которые применяются только при повелительно-желательных формах глагола, причём исключительно в препозиции, например, *buu yabuytun* «не ходите!», *ende bitegei saγu* «здесь не сиди!»²

Следовательно, для монгольских языков характерно то обстоятельство, что в их грамматической системе глагольные частицы отрицания и запрета оказываются препозиционными, тогда как именные слова-отрицания — постпозиционными. Причём для монголистики особенно интересным представляется рассмотрение употребления частиц отрицания *ülü* и *ese*, а также и слов-отрицаний *edüi* и *ügei* при некоторых формах глагола. Поэтому мы ниже будем говорить именно лишь об этом, оставляя без внимания прочие случаи применения перечисленных выше средств отрицания и запрета.

По мнению А. Бобровникова, различие между частицами отрицания *ülü* и *ese* носит, как могли бы мы теперь сказать, модальный характер: частица *ülü* «отрицает прямо и решительно, показывает, что если действие не совершилось, то это . . . так и должно было случиться; *ese* показывает, что действие хотя не совершилось или не совершается, однако . . . оно было возможно», то есть ожидалось говорящим лицом.³ Но это замечание А. Бобровникова не подтвердилось фактами языковой действительности, ибо такая модальная интерпретация предполагает, что каждая из перечисленных частиц отрицания может применяться при любой глагольной форме в зависимости от того или иного модального применения последней. Поэтому ещё со времён О. М. Ковалевского в монголистике получило общее признание положение о том, что частица *ülü* употребляется при глагольных формах настоящего и будущего времён, тогда как *ese* используется при глагольных же формах прошедшего времени.⁴

Уточняя изложенное выше, отметим, что употребление частиц отрицания *ülü* и *ese* наиболее ясно обнаруживается в старописьменном монгольском языке: 1) частица *ülü* употребляется при всех формах имперфектного презенса, то есть при формах на *-m*, *-müi*, *-nam*, *-na* и *-γu*, будущего, многократного, однократного и, в единичных случаях, постоянного (*-γači* ~ *-geči*) причастий, слитного и, изредка, препаративного деепричастий: 2)

² См. Б. Я. Владимирцов, О частицах отрицания при повелительном наклонении в монгольском языке, «Известия Академии Наук» (Петроград 1916), стр. 349—358.

³ А. Бобровников, Грамматика монгольско-калмыцкого языка (Казань 1849), стр. 176.

⁴ О. Ковалевский, Монгольско-русско-французской словарь (Казань 1844), стр. 190 и 528. В последующей монголоведной литературе указания А. Бобровникова и О. Ковалевского об употреблении глагольных частиц отрицания подвергались лишь частичным уточнениям.

частица *ese* применяется при формах перфектного презенса, имперфектного претерита, перфектного претерита, прошедшего причастия, соединительного, разделительного, условного, уступительного и предельного деепричастий. Следовательно, обозреваемые нами частицы отрицания не используются при причастиях настоящего-прошедшего времени, возможности (халх. *-mār*) и завершённо-прошедшего времени (бурят. *-ᠡᠬᠡ*) и при деепричастиях продолжительном, последовательном, предварительном, попутном, заменном, целевом, причинном, степени действия и образа действия (перечень названных глагольных форм здесь дан с учётом различных диалектных форм, которые изредка встречаются и в старописьменном монгольском языке, особенно в бурятских и внутренне-монгольских рукописях).

Исключения из изложенных правил употребления частиц отрицания *ülü* и *ese* иногда встречаются в некоторых отдельных произведениях старописьменной монгольской литературы, например, в Гесериаде, в монгольских переводах известного сочинения Сакья-Пандиты *Subhāṣitaratna-nidhi* (и комментариях к ним), «Алтан Тобчи» Лубсана Дандзана и т. п. Частица *ülü* вместо *ese* применяется при формах перфектного претерита (*ül ögöw*⁵ «не дал»), соединительного деепричастия (*ül toodz*⁶ «не считаясь», *ülü deylügdējü*⁷ «не терпя поражения», *ülü güyicēgdējü*⁸ «не будучи достигнутым», *ülü jīyaju*⁹ «не показывая»), разделительного деепричастия (*ülü oroyad*¹⁰ «не вошедши») и условного деепричастия (*ülü duralabasu*¹¹ «если не полюбить», *ülü tuyulbasu*¹² «когда не прошли»). Частица *ese* вместо *ülü* встречается при форме будущего причастия (*es tšada*¹³ «не суметь», *es ᠬарабчин жанар*¹⁴ и *ese ᠬарбухи-yin inaru*¹⁵ «до пуска стрелы из лука», *ese neyilekü*¹⁶ «не быть сходным»). Равным образом в халхаской и бурятской

⁵ Эрдэнийн сан Субашид, Цахар гэвш Лувсанчүлтэмийн орчуулга ба тайлбар, Хэвлэлд бэлтгэсэн Ц. Дамдинсүрэн, Ж. Дүгэржав, (Улаанбаатар 1958), стр. 112 (ниже цитируется: Эрдэнийн сан Субашид).

⁶ Там же, стр. 145.

⁷ *Erdeni-yin sang Subasidi* (Kökeqota 1957), стр. 176.

⁸ Подвиги исполненного заслуг героя Богды Гессер Хана. . . ., изданное под наблюдением Я. И. Шмидта (С. Петербург 1836), стр. 9.

⁹ *Allan tobči, Degedü debter* (Улаанбаатар 1937), стр. 40 (ниже цитируется: АТ—1).

¹⁰ F. W. Cleaves, *The Sino-Mongolian Inscription of 1362 in Memory of Prince Hindu*: *HJAS* XII (1949), pp. 65, 81.

¹¹ *Erdeni-yin sang s'ibasidi*, стр. 123.

¹² *Allan tobči, Douradu debter* (Улаанбаатар 1937), стр. 86 (ниже цитируется: АТ—II).

¹³ Эрдэнийн сан Субашид, стр. 145.

¹⁴ Там же, стр. 151.

¹⁵ *Erdeni-yin sang Subasidi*, стр. 221.

¹⁶ Б. Я. Владимиров, *Bodhicaryāvātāra Čāntideva*. Монгольский перевод Čhos-kyi Hod-zer'a. (Ленинград 1929), стр. 184.

устной речи встречаются некоторые определённые застывшие словосочетания с причастием будущего времени, сопровождаемым частицей отрицания халх. *es* ← *ese* → бурят. *ehě*: халх. *es medeχ* «не знать», бурят. *ehě bolōχō* «не состояться», *ehě medēgdēχēr* «незаметно», «так, чтобы не заметили». Однако такого рода отступления от общих правил являются единичными и не меняют общей картины. Такое явление обнаруживается в основном во всех монгольских языках и диалектах, за исключением калмыцкого, в котором частица *ülü* неизвестна, а *es* ← *ese* оказывается единственной препозиционной частицей отрицания, по-видимому, при футурных и презентных формах глагола заменившей (?) собою частицу *ülü*.

Как и в старописьменном монгольском языке, в современных монгольских языках и диалектах имеются следующие частицы отрицания: 1) **ülü* → монгор. *lī*, дунс. *ulie*, баоаньск. *le*, дагур. *ül*, могол. *lü*, *le*, *lu*, халх. *ül* и бурят. *ü'ě* ~ *ül'i*, и 2) **ese* → монгор. *sī* ~ *se*, дунс. *ese*, баоаньск. *se*, дагур. *es*, могол. *sa* ~ *se* ~ *sō*, халх. *es*, бурят. *ehě* и калмыцк. *es*. Употребление этих частиц в перечисленных языках таково же, как и в старописьменном монгольском языке, за исключением, как уже сказано, калмыцкого языка. Что же касается бурятского и халхаского языков, то в них эти частицы употребляются чрезвычайно редко, преимущественно в некоторых застывших словосостояниях типа халх. *ül medeg* и бурят. *ülě medēg* «незаметно» (буквально «пусть не знает!»), бурят. *ülě medēsě* «не знающий», халх. *ül baram* «не только, но и...», *ül bolno* «нельзя, не позволено», *ül medētš bolōχ* «притвориться не знающим» и т. п. (о частичном употреблении частицы бурят. *ehě* и халх. *es* выше уже говорилось). Надо отметить, что применение этих частиц отрицания в дагурском, монгольском, монгорском, дунсянском и баоаньском языках ещё нуждается в более детальном изучении, хотя некоторые сведения об этих языках в отношении обозреваемых частиц приблизительно подтверждают данные прочих монгольских языков.¹⁷

Вообще же в современных монгольских языках (и, под влиянием диалектной речи, в старописьменном монгольском языке) препозиционные частицы *ülü* и *ese* (старописьменные формы здесь условно представляют формы живых языков как алломорфы) всё более и более заменяются постпозиционным общеименным словом-отрицанием *ügei* → халх. *-gūi* «не», «без» и *ügūi* «нет», бур. *-gūi* «не», «без» и *ügei* «нет», калм. *-gā* ~ *gō* «не», «без» и *ugā* «не», «нет», дагур. *üwei* «не», монгор. *-gua* ~ *-gui* «не». При этом

¹⁷ Б. Х. То даева, Монгольские языки и диалекты Китая (Москва 1960), стр. 67, 84, 104—105 и 121; G. J. Ramstedt, *Mogholica, Beiträge zur Kenntnis der Mogholsprache in Afghanistan*: JSFOu XXIII: 4; A. de Smedt et A. Mostaert, *Le dialecte monguor, parlé par les Mongols du Kansou occidental, II partie* (Peking 1945); Louis Ligeti, *Le lexique moghol de R. Leech*: Acta Orient. Hung. XV, pp. 116—158; Shinobu Iwamura, *The Zirni Manuscript, A Persian-Mongolian Glossary and Grammar* (Kyoto 1961).

такая замена сопровождается существенными изменениями во всей системе глагольно-отрицательных конструкций.

1. Индикативы с глагольными частицами отрицания почти никогда не применяются в современном монгольском и бурятском языках, если не считать те исключения, о которых выше мы говорили. В калмыцком языке с отрицанием *es* иногда употребляется перфектный претерит, чего нельзя сказать относительно прочих индикативов. В бурятском языке, как уже выше сказано, перфектный претерит и, особенно, имперфектный презенс сопровождаются постпозиционным словом-отрицанием *ügei*.

2. Причастия, будучи именными формами глагола, в современных монгольских языках широко применяются с постпозиционным словом-отрицанием *ügei*, которое всё более и более вытесняют собою частицы отрицания *ülü* и *ese*. Однако в калмыцком языке прочно удерживается частица отрицания *es*, употребляющаяся наряду с постпозиционным *ugā*. При этом заслуживает особого внимания то, что во всех монгольских языках лишь причастие настояще-прошедшего времени (форма на *-ya* ~ *-ge*) а) никогда не употреблялось и не употребляется с глагольными отрицаниями *ülü* и *ese*, б) с отрицанием *ügei* имеет значение «ещё не сделал то-то» и в) в калмыцком языке при отрицании *ugā* заменяется разделительным деепричастием, например, *irād ugā* «ещё не пришел». Примечательно, что в старописьменном монгольском языке, в восточно-бурятских диалектах и некоторых говорах восточно-монгольских диалектов при причастии настояще-прошедшего времени вместо *ügei* чаще всего используется отрицание же *edüi* → *-dūi* ~ *-dī*, которое вообще имеет значение лишь «ещё не» и не употребляется при прочих причастных формах, как и при остальных глагольных формах вообще же. Следовательно, это причастие в монгольских языках занимает особое место как по своим значениям, так и по своему отсутствию в ряде монгольских языков (могольском, монгорском, дунсянском, баоаньском и дагурском) или сравнительно редкой употребительностью в калмыцком языке и некоторых монгольских диалектах.

3. Общемонгольская аналитическая деепричастно-отрицательная форма *-l ügei* (халх. *-lgüi*, калмыцк. *-l ugā* ~ *-lgā* ~ *-lgō*) в отрицательных конструкциях заменяет собою соединительное, слитное и (в калмыцком языке, конечно, лишь в конвербиальном значении) разделительное деепричастия: класс. *sayul ügei*, халх. *sūlgūi* и калмыцк. *sūlgā* «не сидя». В бурятском языке слитное деепричастие с отрицанием *ügei* выступает также и вместо соединительного и разделительного деепричастий, соответствуя тем самым общемонгольской аналитической форме *-l ügei*, отсутствующей именно в этом языке (за исключением некоторых диалектов). Следовательно, в сов-

реѐнных монгольских языках названные три деепричастия, за исключением слитного — в бурятском, с частицами отрицания *ülü* и *ese* уже не употребляются. Таким же образом обстоит дело и с прочими деепричастиями, если не считать некоторые отдельные исключения типа калмыцкого *es bolγlā* «если не будет», — сказанное особо касается тех деепричастий, этимологическая связь которых с причастиями чётко осознаётся носителями языка.

Особняком стоит применение калмыцкого разделительного деепричастия с отрицанием *ugā*. В действительности же мы здесь имеем дело с функциональной контаминацией этого деепричастия с причастием настоящего-прошедшего времени на *-ā* ← **-γa* : это, деепричастие с отрицанием *ugā* а) означает «ещё не сделал то-то», например, *orād ugā* 'ещё не вошёл', б) не применяется в собственно конвербиальной функции, то есть как бы не соответствует старой общемонгольской форме *ese -γad* и современной калмыцкой же *es -ād*, поскольку речь идёт о значении, и, что особенно важно, в) употребляется в определительной, субъектной и объектной синтаксических позициях, например: *orād ugā kūn* «человек, который ещё не вошёл», *jowād ugātšn medagžānā* «становится известным то, что ты ещё не уходи́л», *bitšād ugādm᠋᠋᠋᠋* «когда мы ещё не писали». Следовательно, как синтаксически, так семасиологически разделительное деепричастие в калмыцком языке полностью соответствует причастию настоящего-прошедшего времени остальных монгольских языков, которое именно в этом языке применяется весьма редко. Это обстоятельство не учитывается теми монголистами, которые употребление данного деепричастия с отрицанием *ugā* признают в качестве доказательства именного происхождения этой деепричастной формы. Примечательно, что общемонгольская аналитическая отрицательно-деепричастная форма *-l ügei*¹⁸ не употребляется в неконвербиальной функции во всех монгольских языках, хотя отрицание *ügei* является именным и склоняется по всем падежам.¹⁹

Такова в самых общих чертах эволюция отрицательных глагольных конструкций в монгольских языках, характерная заменой препозиционных глагольных частиц отрицания *ülü* и *ese* постпозиционными именными словами-отрицаниями *ügei* и, реже, *edui*. Как мы видим, в ходе такой эволюции как бы стирается грань между глаголами и именами, поскольку слово-отрицание *ügei* является именем. А между тем, как известно, иногда полагают, что в ходе исторического развития разнообразных языков различия между глаголами и именами становятся более значительными, — правда, это относится к начальным ступеням глоттогонии. Причины и обстоятельства этой

¹⁸ Эта форма признаётся нами аналитической потому, что глагольное образование на *-l* самостоятельно не употребляется и вряд ли имеет что-либо общее с отглагольными именами на *-l* типа, например, *eblel* «союз» от *eble-* «мириться, ладить».

¹⁹ То же самое надо сказать и относительно слитного деепричастия в бурятском языке, поэтому невозможно говорить об именном происхождении данного деепричастия.

эволюции нам пока неизвестны. Однако в ходе дальнейших монголоведных исследований необходимо выяснить, не связана ли такая эволюция с постепенной эволюцией глагольной системы вообще, например, с постепенной утратой глагольными формами своих модальных значений, с постепенным же возрастанием временных значений этих форм. Возможно, что некогда частицы отрицания *ülü* и *ese* были призваны выделять именно временные значения глагольных форм, последние же ведь несли преимущественно модальную нагрузку.²⁰

В связи с излагаемым примечательно, что при соединительном деепричастии употребляется частица отрицания *ese*, а не *ülü*. А между тем в монголистике это деепричастие часто и не без основания интерпретируется как форма настоящего времени, требующей именно частицу *ülü*. В этом, по-видимому, обнаруживается то, что соединительное деепричастие генетически связано, во-первых, с имперфектным претеритом, выражающим в монгольских языках действие прошедшего времени, и, во-вторых, с формой на *-di* ~ *-di*, которая в тюркских языках является индикативом прошедшего времени.

Как известно, повелительно-желательные формы монгольского глагола свою отрицательную конструкцию образуют посредством запретительных частиц *buu* и *bitegei* «не!», которые присущи только этим формам и никогда не заменяются какими-либо другими частицами отрицания. Однако в монгольской литературе изредка наблюдаются единичные примеры употребления некоторых повелительно-желательных форм с частицей отрицания *ülü*, например: *ülü ügülesügei* (в газете «*Arad-un üндүсүн-ü erke*» № 100 за 1935 г.) «не будем говорить!», *ülü medegüjei* (АТ—1, стр. 27) «чтобы не остались в неведении», «как бы не не узнали» (в русском переводе двойное отрицание!), *demei ül suutugai* (Эрдэнийн сан Субашид, стр. 74) «пусть зря не сидят!», *tši ül aitugai* (там же, стр. 186) «ты не бойся!», *ül xolduwulagtun* (там же, стр. 122) «не отдаляйте!» Любопытно, что в «*Erdeni-yin sang subasidi*» (соответственно на стр. 9, 280 и 173), переводом которого со старомонгольского языка на современный монгольский же и является «Эрдэнийн сан Субашид», глагольная частица отрицания *ülü* применена при причастии будущего времени, что вполне закономерно: *demei ülü sayuγ-*

²⁰ Перед монголистами стоит трудная задача определения различия между частицами *ülü* и *ese*, с одной стороны, и словом-отрицанием *ügei*, с другой, в чисто семасиологическом плане: ведь в монгольских языках одинаково встречаются одни и те же формы глагола с обеими группами отрицания: *yabuγu ügei* и *ülü yabuγu* «не будут ходить», *yabuγsan ügei* и *ese yabuγsan* «не ходившие», *yabul ügei* ~ (бур.) *jabāṅ ügei* и *ülü yabun* «не ходя», *ülü yabudaγ* и *yabudaγ ügei* «который не имеет обыкновения ходить».

daχui «зря не будут сидеть», *či ülü ayuγdaχui* «ты не будешь бояться», «ты не будешь напуган», *ülü xoladaγuluydaχui* «не позволят отдаляться». Надо полагать, что такого рода необычные случаи применения частицы отрицания *ülü* является следствием изложенной нами эволюции в системе глагольного отрицания, в ходе которой различия между различными средствами отрицания начали утрачиваться или не всегда улавливались некоторыми носителями монгольских языков. Надо, впрочем, отметить, что в устной речи это не встречается.

Этимология частиц отрицания *ülü* и *ese* в монголистике до сих пор полностью ещё не раскрыта. Правда, Г. И. Рамстедт сопоставлял частицу *ese* с эвенкийским глаголом **e-* (*emi-* для I и II лиц, *esin-* для III лица), являющимся отрицанием со значением 'не!' и чувашским *an* ← **en* (← **e-n* ?) не!'.²¹ Конечно, при этом необходимо предположить, что данная монгольская частица *ese* разлагается на два компонента: **e-* и **-se*, второй из которых уяснить пока трудно. Компонент **e-* Г. И. Рамстедт вполне справедливо находил в монгольском же *edüi* «ещё не» и (омоним?) «столько», а *ese* в целом в монгольском слове *esergüü* «против, противный, противоположный». Кроме того, в старописьменном монгольском языке *ese* оказывается глагольной основой *ese-*, от которой образуются формы причастий многократного, будущего и прошедшего времён и индикативных претеритов, а также условного (*esebesü* «в противном случае», «иначе», «или») и уступительного (*esebešü* «тем не менее») деепричастий. Эти формы не употребляются в качестве отрицания, ибо применяются в качестве союзов подчинения (в деепричастных формах, примеры на которые только-что приведены), либо в своих причастных и, реже, индикативных формах постпозиционно дублируют знаменательные глаголы, имея значение «или не» и «или нет», например *olχu esekü* «найти или не найти», *bi oluγsan esegsen-i medekü ügei* «я не знаю, нашли или нет» и т. п.; в устной речи знаменательные глаголы в такого рода оборотах дублируются сами по себе, например, халх. соответственно тем же примерам *oloχ oloχgüi*, *bi olson olsongüig medeχgüi*.

Не считая пока возможным что-либо сказать относительно этимологии монгольских частиц отрицания и слов-отрицаний, всё же отметим, что все они (кроме *busu* «не, а...», но: халхаск. *biši*, бурят. *beše* ~ *biši*, калмыцк. и дагур. *biš* ← **bisi*, сравнить монгол. *busi* ~ *busia* и дунсян. *puši*) в своём звуковом составе имеют гласные переднего ряда или интерпретируемые как передние, противопоставленные гласным же заднего ряда:

²¹ Г. М. Василевич, Эвенкийско-русский словарь, Москва, 1958, стр. 542; G. J. Ramstedt, *Kalmückisches Wörterbuch*, S. 128; G. J. Ramstedt, *Verneinung in den altaischen Sprachen* : MSFOu LII, 197—202.

- I. * $\sqrt{e-}$: а) *ese* «не», б) *edüi* «ещё не»;
- II. * $\sqrt{ü-}$: а) *ülü* «не», б) *ügei* (?) «не», «без», «нет»²²
- III. * $\sqrt{bü-}$: а) *bü* (орфографически *buu*), бурят. *bü*, могол. *bi*, современно-монгол. *bü* «не!», б) *bütügei* (повелительно-желательная форма III лица: *bü-tügei* «пусть будет!»), халх. *bitēgi* и калмыцк. *bitsgā* ~ *bitskā* ~ *bitsā* «не!»

Как известно, Г. И. Рамстедт обосновывал возможность образования средств отрицания от основ вспомогательных глаголов, ныне во многих случаях омертвелых, возможность, которая широко реализовалась в алтайских языках. Эта гипотеза в отношении приведенных выше *ese* «не» и *bü* «не!» обоснована совместными усилиями Г. И. Рамстедта и Б. Я. Владимирцова.²³ Весьма загадочным является отрицание *ülü* «не», в котором компонент *-lü* может быть признан сопоставляемым с первым компонентом же *-lu-* суффикса перфектного презенса *-luγa*, если в этом же *ülü* гласный *ü* может быть интерпретируем в качестве некоей глагольной основой, давно уже омертвелой (относительно же именного отрицания *ügei* см. в предыдущей сноске).

Если всё изложенное в ходе дальнейших исследований получит необходимое подтверждение, то тогда, сойдя с зыбкой почвы гадательных и гипотетических предположений, мы будем иметь определённую возможность установить, что в монгольских языках все средства отрицания и запрета образовались 1) от основ вспомогательных глаголов бытия с общим значением «быть» или, возможно, «не быть», поскольку все эти глаголы ныне омертвелые, 2) в своём звуковом составе имели гласные, как уже сказано, переднего ряда. Поэтому весьма возможно, что некогда в прамонгольской, или протомонгольской, речи имело место любопытное противопоставление вспомогательно-глагольных антонимов **a-* «быть» и **e-* «не быть». Как известно, в монгольских языках некоторые антонимы или близкие по зна-

²² Относительно этого именного отрицания и его составных компонентов пока трудно сказать что-либо определённое, но можно предположить, что поиски должны идти в следующих трех направлениях: 1) *ü-g-ei*, в котором согласный *-g-* является вставным, а *-ei* сопоставляется с подобным же компонентом в суффиксах повелительно-желательной формы III лица *-tu-γ-a-i* и желательной формы всех трёх лиц *-su-γ-a-i*, но поскольку *ügei* есть именное отрицание, постольку это предположение бесперспективно; 2) *ü-gei* — причастие настоящего-прошедшего времени, 3) *ü-ge-i* (с загадочным *-ge-*) или *üge-* (сравнить *ügegüi* 'бедный, неимущий'), в которых *-i* оказывается суффиксом омертвелого причастия настоящего времени (сравнить *bui* 'сущий, наличный', *darui* немедленно и т. д.).

²³ Б. Я. Владимирцов, О частицах отрицания при повелительном наклонении в монгольском языке, стр. 349; G. J. Ramstedt, *Die Verneinung in den altaischen Sprachen*, pp. 197—204.

чению слова различаются по характеру задней или передней огласовки: *аха* «старший» — *еке* «мать», *байан* «белый» — *беген* «беловатый, сизый, бледный, бледно-голубой», *dayus-* «кончать» и *tegüs-* «завершаться» — *egüs-* «возникать, начинаться» (сравнить маньчжурск. *хаха* «мужчина» — *хехе* «женщина», *arsalan* «лев» — *erselen* «львица» и т. п.).

В заключение отметим, что в монгольских языках все средства отрицания, являющиеся препозиционными или постпозиционными, не входят в состав глагольных основ, чего, как известно, нельзя сказать насчёт тюркских языков, за некоторым исключением чувашского (препозиционная запретительная частица *ап* «не!»), в которых отрицание *-та-* включается непосредственно в глагольную основу (например, турецк. *yazmamak* «не писать» от *yazmak* «писать»). Следовательно, надо признать примечательным, что монгольские языки, считающиеся более родственными с тюркскими и более удалёнными от тунгусо-маньчжурских, в отношении своих отрицательных конструкций оказываются более удалёнными от первых, то есть тюркских языков,²⁴ но более приближёнными к тунгусо-маньчжурским. В равном мере обращает на себя внимание и то, что монгольские языки представляют собою картину полного единообразия в той степени, в какой они имеют или сохраняют рассмотренные нами средства отрицания, то есть за некоторым исключением калмыцкого языка.

²⁴ Любопытно, что тюркские языки в данном отношении типологически похожи на японский язык, в котором суффиксы отрицания вклиниваются в состав глагольной основы, например, *ёндэ* «прочитав» — *ёманайдэ* «не прочитав».

The *Acta Orientalia* publish papers on oriental philology and culture in English, German, French and Russian.

The *Acta Orientalia* appear in parts of varying size, making up volumes. Manuscripts should be addressed to:

Acta Orientalia, Budapest 502, Postafiók 24.

Correspondence with the editors or publishers should be sent to the same address.

The rate of subscription to the *Acta Orientalia*, is 110 forints a volume. Orders may be placed with "Kultura" Foreign Trade Company for Books and Newspapers (Budapest I., Fő utca 32. Account No. 43-790-057-181) or with representatives abroad.

Les *Acta Orientalia* paraissent en français, anglais, allemand et russe et publient des travaux du domaine des recherches orientales.

Les *Acta Orientalia* sont publiés sous forme de fascicules et seront réunis en volumes.

On est prié d'envoyer les manuscrits destinés à la rédaction à l'adresse suivante:

Acta Orientalia, Budapest 502, Postafiók 24.

Toute correspondance doit être envoyée à cette même adresse.

Le prix de l'abonnement est de 110 forints par volume.

On peut s'abonner à l'Entreprise pour le Commerce Extérieur de Livres et Journaux «Kultura» (Budapest I., Fő utca 32. Compte-courant No 43-790-057-181) ou à l'étranger chez tous les représentants ou dépositaires.

«*Acta Orientalia*» публикует трактаты из области востоковедения на русском, немецком, английском и французском языках.

«*Acta Orientalia*» выходит отдельными выпусками разного объема. Несколько выпусков составляют один том.

Предназначенные для публикации рукописи следует направлять по адресу:

Acta Orientalia, Budapest 502, Postafiók 24.

По этому же адресу направлять всякую корреспонденцию для редакции и администрации.

Подписная цена «*Acta Orientalia*» — 110 форинтов за том. Заказы принимает предприятие по внешней торговле книг и газет «*Kultura*» (Budapest I., Fő utca 32. Текущий счет № 43-790-057-181) или его заграничные представительства и уполномоченные.

